

IV. ПЕРЕВОДЫ

ШИЛЗ Э.
ТЕОРИЯ МАССОВОГО ОБЩЕСТВА⁵⁰
Shils E.
The theory of mass society // America
as a mass society / Ed. by. Olson. —
L.: Collier-Macmillan, 1963. — P. 30-47.

...Корни концепции массового общества необходимо искать в представлении римских историков о взбунтовавшейся черни. С такой необыкновенной силой выраженная в “Кориолане”, она сложилась в основном в XIX в., в эпоху революций во Франции (1789, 1830, 1848, 1871), и была реакцией на эти события. Я.Буркхардт и Ф.Ницше, напуганные тем, с какой легкостью воспламеняет толпу присутствие пылкого демагога (этим демагогом был Луи Наполеон), указали на тенденцию к растворению современного общества, в частности, современного демократического общества в инертной аморфной массе, дремлющей по большей части в тупом оцепенении и пробуждающейся лишь для того, чтобы выразить шумное восхищение “великим упростителем”. Критика де Токвилем абсолютистского ancien regime, набросанная им картина утраты свободы (гарантию свободы он видел в сохранении таких феодальных институтов, как автономные корпорации и сословия) стали краеугольным камнем теории массового общества.

Позже она была углублена немецкими социологами. Последние выяснили различие между Gemeinschaft и Gesellschaft, указав, что современное западное общество есть Gesellschaft, характеризующееся эрозией моральных уз, родства, традиционных институтов и верований, отчуждением индивида.

Синтез вышеуказанных элементов мы находим в квазимарксистских оценках режима национал-социалистской Германии. Разобщающее влияние капитализма и урбанизма сделало человека одиноким и беспомощным. В поисках убежища он бросается в объятия тоталитарной партии. Таким образом coup d'etat⁵¹ Луи Наполеона в декабре 1851 г. и Machtergreifung⁵² в марте 1933 г. стали явлением одного порядка. Соответственно, Веймарская республика была объявлена типической моделью современного демократического общества накануне естественной кульминации.

Таков теоретический фундамент идеи массового общества, завоевавшей широкое признание, особенно с развитием новой техники коммуникаций (эту технику называли “массовыми коммуникациями”, первоначально вне всякой ассоциации с “массовым обществом”, но сходство названий облегчило критику культурного содержания печати, радио и телевидения).

Результатом было следующее представление о “массовом обществе”: территориально обширное общество, со значительным населением, в высокой степени индустриализованное и урбанизованное. Власть здесь концентрирована и принимает форму манипуляции массами посредством массовых коммуникаций. Гражданские добродетели в этих условиях приходят в упадок, местное самоуправление ослабевает, исконная солидарность людей фактически исчезает. Эгоизм подменяет индивидуальность. Хаос предотвращается единственно апатической идиотией массы, манипулируемой элитой.

⁵⁰ Автор — известный американский социолог, признанный специалист в области функционального анализа социальных систем; некоторое время сотрудничал с Т.Парсонсом в разработке так называемой “теории социального действия”.

⁵¹ Государственный переворот (фр.). — Прим. переводчика.

⁵² Захват власти (нем.). — Прим. переводчика.

Я думаю, что подобная картина — грубое извращение некоторых черт либерально-демократических обществ Запада. Практически она затемняет ряд явлений, на которые будет указано в этой статье; теоретически общество, если бы оно соответствовало описанию, данному критиками “массового общества”, не могло бы воспроизводить себя и поддерживать пусть даже принудительный порядок. Все же концепция массовизации имеет то достоинство, что она соответствует характерной черте современного общества, а именно — выходу народных масс в центр общественной жизни, определяет историческую уникальность этого момента и, наконец, дает ему имя.

I

Термином “массовое общество” обычно обозначают нечто подлинно новое в истории человеческого общества. Им определяют новый общественный строй, складывавшийся между двумя мировыми войнами и по окончании Второй мировой войны ставший вполне осязаемой реальностью. Этот новый тип общества установился в Великобритании, Франции, Германии, Северной Италии, Нидерландах и странах Северной Европы, в Австрии, Японии и, прежде всего, в США. Менее очевидно и более фрагментарно его черты начинают проявляться в Восточной и Центральной Европе, они намечаются также в странах Азии и Африки.

Новизна “массового общества” состоит в более тесной интеграции народных масс в систему институтов и ценностей общества.

Совокупность индивидов, проживающих на той или иной территории, составляет общество благодаря интеграции в систему, части которой взаимозависимы. Тип общества, о котором идет здесь речь, интегрирован не родством, но приятием и действием власти в главных подсистемах общества, в экономике, политике, образовании, религиозных учреждениях и в связанных с указанными областями нормами и взглядах. Интеграция происходит в двух направлениях — вертикальном и горизонтальном. Вертикально общество интегрировано в иерархии власти, авторитета, статуса, горизонтально оно интегрировано единением элит различных социальных подсистем.

Абсолютизм европейского *ancien régime* и, конечно, великих монархий древности отличают высокая степень горизонтальной интеграции на всех ступенях общества, тесная близость и сотрудничество между правительственной, политической, религиозной, военной и интеллектуальной элитами, хотя внутри политической элиты нередко происходила ожесточенная борьба, распространявшаяся на элиты других сфер. Вертикальная интеграция, однако, была в этих обществах слабой. Деревни, области, сословия жили собственной жизнью, будучи связаны с центром лишь уплатой податей, тягловой службой, выполнением обязательного церковного ритуала и, от случая к случаю, судопроизводством. Наиболее постоянным было интегрирующее воздействие церкви. Культурная, экономическая и административная автономия территориально ограниченных областей была велика. Практически отсутствовали сколько-нибудь постоянные и общеприятельные символы центра. Культура была монополией просвещенных классов, соответственно, и мировоззрение различных слоев общества имело мало общего.

Только на уровне высших политической, церковной, административной, военной и культурной элит можно было говорить об обществе, занимающем обширную территорию. Массы были его частью главным образом в экологическом смысле; они составляли малозначимый элемент его морального, да, пожалуй, как правило, и политического порядка.

Возвращаясь к развитым современным обществам, мы должны констатировать совершенно противоположную ситуацию. Правительство поддерживает более постоянный и эффективный контакт с большинством населения посредством единообразного законодательства, администрации, почти всеобщей системы народного просвещения. Столица и основные городские центры страны не являются более центрами только для знати. Экономика массового общества горизонтально и вертикально интегрирована значительно полнее, чем это было когда-нибудь в прошлом. Подчинено ли народное хозяйство гигантским корпорациям и правительственному регулированию или же социалистически планируемой экономике, едва ли в обществе найдется область хозяйства, независимая от центрального руководства.

Высокий образовательный ценз и доступность таких культур-ных благ, как книги, периодические издания, грамзаписи, телевидение и радиопрограммы, служат широкому распространению культуры, прежде доступной небольшому кругу лиц. Это, так же как и значительно возросшая “политизация” населения, имеет результатом исторически уникальный уровень культуры в обществе.

Интенсивность вертикальной интеграции в современных обществах неодинакова. Федерации вертикально менее интегрированы, нежели унитарные режимы; режимы с сильным локальным управлением вертикально менее интегрированы, чем режимы, где, подобно французскому, местное управление находится в руках назначаемых центром чиновников; режимы, допускающие частные школы, менее интегрированы, чем те, что требуют единой государственной системы образования. Фундаментальное различие между обществами с безусловно высокой степенью интеграции — это различие между плюралистическим и тоталитарным режимами. Последние вертикально интегрированы намного полнее. Их вертикальная интеграция укреплена горизонтальной интеграцией почти равной интенсивности. Горизонтальная интеграция выражена в унитарной структуре элит, функции которых дифференцированы. Только общество очень небольших размеров могло бы иметь элиту, в которой одни и те же лица осуществляли бы практически любую из функций элиты. Дифференциации ролей и специализация по ролям — необходимые спутники развитой цивилизации. Это не исключает, однако, перекрещивания и совпадения ролей.

II

Хотя массовое общество — новый феномен, элементы, из которых оно возникло, не новы. Его семенем был полис; семя это было возвращено римской идеей об общем гражданстве, распространенном на огромной территории. Рост национального чувства, выразившегося в эпоху, предшествующую Французской революции, лишь от случая к случаю, но чрезвычайно укрепившегося в XIX и начале XX в., объясняется углублением сознания единства между членами различных социальных слоев и территорий в странах современного мира. Когда пропагандисты и сторонники современного представления о нации выдвинули тезис, в соответствии с которым жизнь на общей, постоянной и сплошной территории, независимо от родства, касты и религии, объединяет людей, заселяющих эту территорию, в единый коллектив, они, сознательно или бессознательно, сделали тем самым вклад в массовое общество. Язык, все, что содержится в языке и передается им, становится цепью, которой члены “массового” общества связаны друг с другом и с центром. Знание языка становится основным качеством, дающим членство в обществе.

Священным становится не исконное (родство, например), но характер. Каждый человек рассматривается теперь как носитель определенных черт личного и гражданского характера. Гражданский характер — не более чем признание легитимности власти, воплощенной в некоторых лицах, учреждениях, или диффузной (легитимность социального порядка).

III

Вышесказанное не означает, что массовое общество — это общество полностью согласованное, некая фабрика сплошной гармонии. Новый общественный строй предполагает открытое и энергичное соревнование коллективов: классов, этнических, профессиональных и территориальных групп. То же справедливо и в отношении неорганизованного антагонизма индивидов и семей. В массовом обществе сохраняются элементы неравенства, а уровень осознания противоречий между различными группами даже выше, чем это было в большинстве обществ в прошлом.

Что отличает современное “массовое общество” со всеми его противоречиями — это установление легитимных институтов, пределами которых эти противоречия ограничиваются. Парламенты, система представительства интересов через группы давления, системы переговоров между нанимателями и нанимаемыми — все это новые пути разрешения конфликтов, характерные для современного массового общества. Существование самих этих институтов возможно в силу того, что широкое согласие, в частности согласие наиболее активных членов общества, делает их легитимными благодаря

тому, что более общее и более аморфное согласие менее активных налагает ограничения в смысле нарушения конституции на более активных. Согласие возрастает за счет ориентации на центр, на центральную институциональную систему и систему господствующих в обществе ценностей. Оно является также продуктом впервые возникшего, во всяком случае в таком широком масштабе, чувства единения с согражданами. Поэтому, несмотря на внутренние противоречия, в массовом обществе мы находим большую преданность обществу, большую близость между согражданами, большее взаимопонимание, чем это было когда-нибудь в истории. Массовое общество не самое мирное или “упорядоченное”, но зато наиболее согласованное в социологическом смысле этого слова.

Общественное умиротворение, установленное путем принуждения в структуре крайне непостоянного взаимодействия и выражающееся в апатии, не совсем то же, что умиротворение на основе согласия в структуре более постоянного взаимодействия между центром и периферией, а равно между отдельными периферийными секциями. Большая активность периферии, особенно когда речь заходит об общественном согласии, делает общество массовым. Историческая уникальность общества наших дней состоит в усвоении массами господствующего в обществе морального порядка. Роль масс ныне не сводима к роли резервуара военной и рабочей силы или источника общественных беспорядков, возможного или действительного. Не существует более и системы разобщенных местных общин, вступавших в сотрудничество с центром лишь эпизодически, по принуждению или из корыстных побуждений.

Не следует думать, что согласие было установлено вследствие насильственного приобщения масс к ценностям элит. Элиты, в свою очередь, претерпели изменения. Одна из черт массового общества состоит в том, что, по крайней мере до некоторой степени, элиты теперь разделяют основные стандарты масс. Разумеется, нивелировка взглядов и вкусов элиты и масс не произошла, но ни в одном из предыдущих типов общества массам не придавалось такого значения. Отчасти это объясняется возрастанием политического влияния масс, а также ростом материального благосостояния, в конечном же счете — укреплением моральных принципов и чувства собственного достоинства в простом народе. Сознание, что “глас народа есть глас божий”, — источник массового общества.

Священный характер власти смягчался по мере ее рассеяния в массе населения. Правда, харизма все еще остается объектом благоговения. Но харизма заложена в самой природе власти. Своеобразие массового общества состоит, однако, в том, что харизма рассеяна в нем более широко, и каждый из граждан владеет ее частицей в силу того, что является гражданином.

Уменьшение значения власти находится в ключе того же процесса, что и утрата некоторых традиций, прежде всего традиций, поддерживаемых иерархическими институтами. Вообще говоря, общество, полностью лишенное традиций, немыслимо, ибо они составляют необходимое условие легитимности, но в настоящее время они пользуются меньшим влиянием и открыты для различных толкований. Наследие традиций приспособлено к нуждам массового общества в духе гетерогенных интересов внутри него. Пример тому — изменение отношения к рабочему классу, женщинам, молодежи, национальным меньшинствам — категориям населения, положение которых до сих пор было неблагоприятным.

IV

Определенное неравенство продолжает сохраняться отчасти по традиции, отчасти в силу функциональной необходимости, отчасти потому, что стремление к равенству не есть единственное побуждение, движущее поступками людей. Садизм, гордыня, корысть и т.д. все еще существуют и препятствуют распространению равенства.

Так или иначе, согласие способствует широкому распространению атмосферы доброжелательности. Доброжелательность нынче — добродетель не только героя, но любого гражданина. Она проявляется в сотрудничестве с другими гражданами, которое строится на принципах уважения к партнеру, его интересам, к коллективу, ко всему обществу.

Гражданская политика — это политика эффективного компромисса внутри институциональной системы, принимаемой всеми как легитимный порядок.

Этический эгалитаризм, составляющий отличительную особенность Запада, — другое проявление экспансии “центра”. Моральное равенство, ставшее в массовом обществе ощутимой реальностью, — производное от чувства общности со всеми, кто разделяет язык, выражающий сущность общества. Те, кто участвует в сообществе такого рода, как бы разделяют харизматическую сущность общества и тем самым утверждают чувство собственного достоинства.

V

Параллельно процессу, в котором харизма социального порядка была распределена между простыми гражданами, происходит изменение характера личности. Это изменение раскрывается во всех и в каждом.

Индивидуальный характер, такие качества, как рационализм и импульсивность, общительность и угрюмость, доброта и жестокость, нежность и ненависть, определяют склад индивида. Чувствуемые им, осознаваемые им, эти качества выработаны в недрах его личности.

Массовое общество продвинулось в созидании единой культуры далее, чем общество любого другого типа. Региональные культурные различия уменьшились, уменьшились классовые, профессиональные и даже возрастные различия. Более широкое единообразие было диалектически связано с появлением большей индивидуальности. Со смягчением священного характера власти центр тяжести переместился на индивидуума. Конечно, — на это обстоятельство указывают критики массового общества, — во многих случаях положение личности здесь не лучше, чем это было в обществах с иерархической и традиционной структурой. Тем не менее произошла значительная перемена, перемена того же порядка, что была отмечена Буркхардтом для Ренессанса. Индивид становится искателем знания, хранителем знания, наделенным воображением производителем знания. В большей степени, чем это было в прошлом, рядовой человек, по крайней мере в молодости, обязан своим опытом сознательной деятельности. Этот опыт не обязательно является продуктом непосредственного восприятия, но может быть творчески заимствован у других лиц.

Выбор жизненного пути более не вынуждается традицией, подчинением и голодом. Вообще говоря, в массовом обществе люди пользуются большей свободой выбора в большинстве областей, нежели в обществах не массовых. Нередко этот выбор не умен, обнаруживает недостаток вкуса, не обдуман, но все же это выбор, а не безропотное подчинение обстоятельствам. Традиция, иерархия, примитивный консерватизм препятствовали развитию личности с момента рождения. Процессы цивилизации и индустриализации устранили эти препятствия и утвердили свободу творческого и морального развития народных масс. В обществе любого типа значительная часть населения прозябает в рутине. Энергия этих людей реализуется время от времени в резких вспышках агрессивности. В наш век в массовом обществе указанная категория очевидно сократилась.

Личные отношения, дружба и любовь чреваты превратностями и часто завершаются болезненным разрывом. Открыв для себя возможность чувствовать и получать от этого наслаждение, некоторые слои населения приходят к эгоистическому гедонизму, вырывающему их из сферы гражданских интересов. Это цена, которую приходится платить за широкое раскрытие природных возможностей человека.

VI

Массовое общество является процветающим обществом. В результате большего вовлечения в дела общества и морального сближения классов и этнических групп благосостояние каждого становится делом всех. Идеи христианского милосердия и христианской любви распространились, укрепились и являются ныне частью уклада массового общества. Независимо от того, является экономический строй номинально социалистическим или капиталистическим, а правящая партия социалистической или “буржуазной”, общепринято считать, что по крайней мере на низших ступенях социально-

экономической лестницы нет нужды соизмерять вознаграждение с коэффициентом полезного действия. Это правило — распространению его немало способствовало укрепление профсоюзов и внедрение новых принципов организации производства — имеет пределы. Оно препятствует успешному функционированию крупных предприятий, нуждающихся в объективной, в соответствии с разумно сформулированными и дифференцированными правилами, администрации. Минимальная эффективность, да и справедливость требуют некоторой спецификации норм, регулирующих доступ к должности, а равно фиксации правил, определяющих права и обязанности в обществе в целом и в отдельных его сегментах.

VII

Массовое общество — индустриальное общество. Без промышленности, т.е. без замещения простых орудий сложными механизмами, массовое общество невообразимо и невозможно. Современная индустриальная техника, создав транспортную и коммуникационную сеть, сделала возможным такую частоту контактов между различными частями массового общества, которая была неизвестна обществам доиндустриальным. Общественные классы и региональные секторы общества ныне более осведомлены об образе жизни друг друга. Общая осведомленность, невозможная без современной коммуникативной техники, как бы расширила в глазах людей границы общности.

Современная индустриальная техника делает возможным и требует увеличения числа интеллектуальных профессий. Она создала систему образования, открывшую умам людей общечеловеческий опыт во всем его многообразии. Она освободила человека от бремени изнуряющего физического труда; предоставила ему каждодневную и еженедельную возможность быть свободным от трудовой дисциплины; дала ему новые источники впечатлений и праздничного настроения.

Массовое общество меняет представления о ценности человека. Уже благодаря своему качеству члена общества он требует уважения. Гуманизм и чувство сопричастности, значение которых столь возросло, что они заметно определяют статус и права индивидов, групп и классов, уменьшают значение личного успеха как образца для подражания и критерия статуса. Тот же результат имело увеличение в глазах людей значения знания, более доступного в массовом обществе. Жизнь создает условия, в которых достижения и сноровка перестают быть критерием самооценки и оценки окружающими, хотя человеческая природа такова, что никогда не допустит полного осуществления этой тенденции.

Получается грандиозный исторический парадокс. Массовое общество, которое стало возможным благодаря техническому и экономическому прогрессу, вызываемому, в свою очередь, стремлением к успеху, борьбой за место, способствовало положению, при котором успех и профессия как цель и как основание для социальной оценки стали менее важны.

Общество больших масштабов нуждается в разветвленной бюрократической администрации. Его благополучие зависит от технического прогресса. И то и другое становится возможным, если широкие круги населения способны руководствоваться безличными универсальными стандартами, способны осуществлять специфические и специализированные задачи, способны быть дисциплинированными.

VIII

Массовое общество — огромное общество. Оно включает в себя миллионы людей, охватывает обширные пространства. Поэтому оно неизбежно общество дифференцированное. Полная гомогенность, о которой говорят критики массового общества, невозможна. Конечно, быть может, здесь большая гомогенность, чем во многих менее свободно интегрированных обществах прошлого, — это говорит в пользу большего согласия, большего чувства сплоченности. Налицо, однако, реальные, хотя, вероятно, неуловимые пределы гомогенности, необходимые в любом обществе больших размеров. Сходные границы существуют и для общественного согласия.

IX

Нарисованная мною картина будет воспринята любым среднеинформированным лицом как резкий диссонанс образу массового общества, созданному творцами и заступниками этого термина. Они подчеркивают отчуждение, безверие, атомизацию, аморальность, конформизм, беспочвенную гомогенность, мораль-ную пустоту, обезличение, эгоизм, отсутствие приверженности каким бы то ни было идеалам (исключая рьяное, но случайное и скоропреходящее влечение к идеологическому движению). Они указывают на недисциплинированность молодежи и равнодушие взрослых, на гедонизм и пошлость. Эти утверждения, содержащие долю истины, в основном являются заблуждением. Все перечисленные явления действительно существуют в современных массовых обществах, но наряду с ними существует и великое множество других. Некоторые из черт, на которые ссылаются критики “массового общества”, тесно связаны с теми, что были выделены мною. Отчуждение, о котором так много говорят, составляет крайнюю форму расколдовывания власти; необузданный эгоизм и гедонизм связаны с обогащением сферы чувств; недисциплинированность молодежи является результатом смягчения патриархального консерватизма и уменьшения давления иерархии. Сужение сферы локальной автономии вызвано складыванием более интегрированного общества. Апатия, которую многие отмечают, выдвигается в центр внимания благодаря созданной массовым обществом возможности иметь собственное суждение и участвовать в принятии решений.

Согласованность массового общества, сближение центра и периферии, большее моральное равенство различных слоев и областей, развитие личности — все это относительные явления. Несовершенство массового общества отчасти обязано заложенным в людях моральным качествам. Отчасти оно происходит от природы массового общества как такового и его неразрывной связи с прошлым человечества.

Массовое общество выросло из неэгалитарного, плюралистического общества, плюралистического в силу разобщенности классов, изолированного положения локальных общин и, в Новое время, самого принципа организации общества. Оно выросло в противовес пуританской власти, которая с неудовольствием взидала на все то, что, по ее мнению, отвлекало народные массы от труда и нарушало повиновение. Пролетариат в этих прежних типах общества, за исключением небольшого количества квалифицированных профессий, был нищ и одурманен; крестьянство представлялось омертвевшей глыбой, временами безжизненно религиозным, временами безжизненно глупым. Низшие классы практически не имели гражданской истории.

Освобождение прежде обездоленных классов от обременительных предрассудков, нищеты и тяжелого труда, препятствовавших развитию эмоциональных и моральных качеств, высвободило до сих пор подавляющуюся агрессивность в отношении власти. Частичное перемещение энергии из области родства, класса, этнической группы в более широкую общность было нелегким делом. Во многих случаях связи с традиционными институтами были порваны, а новые связи так и не были установлены. Не исключено, что большие контингенты, будучи лишены прежних привязанностей, уже не способны поддерживать связь, быть преданными отдаленным символам и, следовательно, пребывают в состоянии разочарования и апатии.

Ни одно из этих условий, не говоря уже о неизбежных препятствиях функционального характера, не благоприятствовало осуществлению гражданского, развитого, согласованного, эгалитарного общества.

X

Может ли такое общество быть претворено в жизнь когда-нибудь в будущем? Может ли массовое общество продвинуться далее в использовании тех возможностей, что были открыты техническим прогрессом и моральной трансформацией?

Существуют весьма строгие пределы. Склонности, побуждающие людей к поискам и признанию морального равенства, не более сильны, чем те, что побуждают моральное неравенство. Крупное общество не может быть недифференцировано регионально, но это обстоятельство будет питать различия интересов и привязанностей. Природное неравенство умственных способностей и темперамента неизбежно служит сохранению

неравенства в усвоении централизованной системы ценностей. Профессиональные различия поощряют дробление единой культурной традиции, различное толкование понятия “достижение”, различное отношение к централизованной власти. Естественно, источником трений остаются и возрастные различия, в частности культура различных поколений. На этих объективных различиях строится оценочная дискриминация. Наряду со стремлением к сопричастию сохраняется ведущее к расколу стремление коллективов и индивидов к отделению или отдалению.

По тем же причинам невозможно и достижение абсолютно единой культуры. На пути развития подобной культуры стоит развитие личности. Развитие личности имеет собственные границы, отчасти в силу некоторых особенностей массового общества, отчасти по причине всеобщего стремления к самовыражению.

Наконец, склонности у которые были раскованы и культивированы в массовом обществе, не вполне гармонируют с относительно отдаленными целями. Сохранение сложного разделения труда, некоторых рутинных занятий и профессий не способствует установлению равенства в области статуса. Продолжает существовать предрасположение к пережиточному консерватизму – родство и его национальная сублимация, местнические настроения в условиях массового общества могут быть смягчены, но полностью они неустранимы.

Налицо противоречие между разнородными системами элементов, которые так взаимозависимы. Каждая из них ограничивает экспансию прочих и препятствует тому, чтобы общество стало полностью массовым обществом.

В недрах человеческой души всегда были заложены качества, необходимые для реализации массового общества. Реализация эта стала возможной в условиях общества современного, в век, когда впервые в истории человечество стоит перед угрозой исчезновения. По иронии истории, нынешнее положение явилось результатом развития в духе идеалов Просвещения и генезиса массового общества. Но даже если и так, философы Просвещения должны были бы признать, что многие их идеалы, хотя бы отчасти, стали явью.

Сокращенный перевод Е.Я.Додина